Владимир

ВЫСОЦКИЙ:

«ПОЮ ВСЕГДА, БУДТО ПОСЛЕДНИЙ РАЗ...»

7 января 1980 года. Этот день буду помнить всю жизнь. Накануне в редакции иновещания Радиокомитета мне, молодой сотруднице, студентке-вечернице, предложили взять интервью у Владимира Высоцкого. «Был в гостях, — объяснял сотрудник редакции, — познакомился с Высоцким. Можно попросить его об интервью...»

Мой многоопытный коллега дипломатично устранился от интервью с официально непризнанным, даже «опальным» бардом, как я теперь вижу ту ситуацию, но журналистский азарт не позволял ему пройти мимо подвернувшегося шанса. Тем более, что имя Владимира Семеновича становилось все более популярным на Западе, а именно на западного слушателя и вещала наша редакция... Возможно, все было иначе, не берусь судить, тем более, что интервью так и не пошло в эфир. Но это все было впереди. А пока...

Я мчусь на Таганку. В театре идет «Преступление и наказание». У Высоцкого роль Свидригайлова, он занят не весь спектакль, в свободное от выходов время и должно состояться интервью. Как обычно, толпа театралов у входа, тесный тамбур также забит людьми. Сквозь стеклянную стену видно, что делается на вешалке. Прозвенел третий звонок, все меньше зрителей в раздевалке. Стою поближе к входу, охраняемому неприступными билетершами. Волнуюсь. С какой стороны появится артист, узнаю ли? В фойе притушили уже свет, последние зрители спешат попасть в зал, почти никого не осталось, кроме невысокого мужчины в белом овчинном полушубке и меховой шапке. Он нетерпеливо ходил взад-вперед, засунув руки в карманы своего приталенного полушубка, явно кого-то поджидая. Потом подошел к входу и спросил у меня: «Вы ко мне?». По моему виду, наверное, можно было догадаться, кто я и что я, потому что он тут же сказал билетерше: «Это ко мне», — и темными лестницами мы прошли за кулисы.

Почему магнитофонная запись нашего с Владимиром Семеновичем разговора при жизни поэта в эфире не прозвучала? Я на этот вопрос ответа так и не получила. Думаю, потому, что много было и осталось до сих пор людей, с неприязнью относящихся к его творчеству. Сегодня мы раздаем долги. И это, видимо, последнее, интервью В. С. Высоцкого тоже наш запоздалый долг перед поэтом и человеком.

АВТОР

В ТЕЧЕНИЕ нашего разговора В. Высоцкого несколько раз вызывали на сцену. Он довольно скоро возвращался, садился и спрашивал: «Так, значит, на чем мы остановились?» Я напоминала, и он моментально включался в разговор...

КОРР. Считаете ли вы свое творчество сугубо национальным?

В. В. По-моему, в основе своей — да. Первое, что беспокоит иностранцев в моих песнях, — это темперамент. Когда им переводят довольно точно, тогда это их поражает. И все-таки они не понимают, почему же по этому поводу надо так выкладываться, так прокрикивать про это. Корни — русские у этих песен. Особенно последние песни, которых вы, может быть, и не знаете, а может, и слышали.

КОРР. Как вы определяете жанр, в котором работаете? И есть ли в других странах представители этого вида творчества?

В. В. На Западе эти песни называются песней протеста. Мне переводили много этих песен, и я увидел, что это вовсе не походит на то, что, предположим, делаю я. Или Булат Окуджава.

Мне совершенно непонятно, почему за рубежом такого типа песни — это песни протеста. Знаете, поднимаемые в них проблемы, в общем, мелкие. Они направлены против конкретных проблем. Мне кажется, что наши песни, авторские, более абстрактны. Даже если это касается военных песен, вот, например, моих. Все-таки нужно понять, почему я, который не прошел через войну (конечно, семью коснулось), все время возвращаюсь туда. Все-таки это не песни-ретроспекции, а песни-ассоциации. В них важно порой непереводимое: интонация, тон.

Если вы хотите, я сделаю маленькое-маленькое отступление, которое, возможно, совсем все разъяснит. Я ведь, когда начинал писать свои песни, не рассчитывал на то, что у меня будет большая аудитория. Они предназначались для четырех-пяти людей. В основном Льва Кочеряна (он успел снять только одну картину — «Один шанс из тысячи»), Василия Шукшина. Из ныне здравствующих— Андрея Тарковского и Артура Макарова, писателя. В общем, компания была прекрасная. Мы жили полтора года такой коммуной, что ли, вместе. Все были молоды, в одной квартире на Большом Каретном переулке, ныне улица Ермоловой, про которую я даже написал потом. Мы уезжали на заработки, привозили какие-то новые впечатления. И вот из них я делал песни. Мои песни начинались в атмосфере доверия, раскованности и свободы. Понимаете? Я никогда не стеснялся, я уверен был: их интересует, что я им спою. И действительно это было так. Потому что мы одинаково думали, и я знал, что их так же скребет по нервам то, что происходит вокруг, как и меня.

КОРР. Кстати, верите ли вы в бескорыстную дружбу? И если хотя бы немножечко да, то что это такое?

В. В. Я думаю, это вот что: я жил и продолжаю жить для своих друзей, понимаете?

КОРР. А что отличает или, наоборот, что общего у вас как представителя авторской песни и, скажем, Булата Окуджавы? Вот Окуджава говорит, что его песни можно охарактеризовать как городской романс.

В. В. Я пишу очень в разных поэтических жанрах. Но все равно — это жанр авторской песни. Я считаю, что кино — это искусство режиссера-автора. Если режиссер—автор, тогда есть кино. А если он просто ремесленник, тогда кино нету. Так же, как и здесь, вот в этих песнях. Но я вам скажу, я не хочу сравнивать и вообще упоминать Булата Окуджаву. Если только с большим уважением, просто я его люблю, и стихи его, и как он это делает, и вообще просто как личность. Ну, это само собой.

КОРР. Насколько документальны ваши песни? Где вы берете сюжеты?

В. В. Я почти все придумываю, иначе это не было бы искусством. Я думаю, это настолько придуманно, что становится правдой.

КОРР. Каждый пишет по-своему. Интересен процесс работы.

В. В. Я работаю с магнитофончиком, маленький магнитофончик ставлю перед собой. Приходит какая-то строка, я пытаюсь найти ритм. Это все вместе: я даже не знаю иногда, что раньше и что позже. Просто напишу стихотворение и начинаю мучиться с мелодией. Иногда ничего не выходит. Я бросаю, и на 15-й, 20-й раз исполнения моего на людях, на зрителях, выкристаллизовывается мелодия. Когда я, например, рассказал об этом композиторам, они были безумно удивлены. И видите, в чем дело. Вот вы сказали о жанре. Мне кажется, это манера беседовать с людьми при помощи песни. Поэтому я хочу от себя писать. От «Я». Это первое. Но если говорить о другой стороне дела, то, может быть, в отличие от многих других поэтов, которые пытаются делать песни и стихи, все-таки я актер, понимаете, и я часто бывал в коже других людей, и мне, наверное, проще говорить от имени других людей.

Но я ведь не очень люблю актерскую профессию и сейчас ухожу из нее потихонечку (и из театра, и из кино). Буду сам делать фильмы. Я предпочитаю исполнительской работе творческую, авторскую, когда сам делаешь и сам воплощаешь...

КОРР. Владимир Семенович, теперь вопрос в связи с вашей ролью Жеглова. Вы сами не помните то время, когда существовала банда «Черная кошка», — ведь это не вымысел автора. Хотя между 30-ми и 80-ми годами уже полвека, но, к сожалению, проблема борьбы с организованной преступностью по-прежнему стоит остро.

В. В. Когда мне было совсем-совсем немного лет, я помню одну облаву. Мы жили в трехэтажном доме, напротив Ржевского вокзала (ныне Рижский). Банда собиралась ограбить эшелоны, которые приходили из Германии, на вокзале были запасные пути. И я запомнил стрельбу, колоссальное количество милицейских машин, и как мы смотрели в форточку на все это. Я помню эту облаву. Но я был настолько малолетка, что еще не понимал, что это такое, но все-таки помню это название «банда».

КОРР. Последнее время в стране наблюдается рост правонарушений. Что вы думаете на этот счет?

В. В. Теперь очень интересно и важно исследовать эту тему, как вообще нужно обращаться с террором. Таким же точно способом, как в 20-е годы, или все-таки терпеть и находить какие-то гуманные пути борьбы с насилием. Никто на этот вопрос не может ответить.

В 30-е годы американцы взяли да уничтожили банды. Как? Они издали приказ: убивать на месте... Я и согласился сниматься в картине, чтобы этот вопрос поставить. Со своей точки зрения и от имени своего персонажа я утверждаю, что нужно так с ними поступать: давить от начала и до конца, если ты уверен на сто процентов, что перед тобой преступник.

КОРР. Но ведь в картине «Место встречи изменить нельзя» Шарапов не соглашается с вами, то есть с Жегловым.

В. В. Розовый герой, который призывает к милосердию, к тому, чтобы идти в сторону смягчения, а не ужесточения мер по борьбе с преступностью, он утверждает, что нужно действовать честно, даже с нечестными людьми. Это все в общем-то на словах. Но если сейчас кругом посмотреть, поглядеть, что в мире делается: и терроризм, и «красные бригады», стреляют по ногам детям, а потом на их глазах убивают учителя, начинаешь сомневаться, кто из двух героев прав.

Если вы обратили внимание, то Вайнеры это как раз ухватили в своей вещи. Когда два персонажа окончательно поссорились и разошлись, Шарапов сказал: «Я не хочу с тобой работать». Жеглов сказал: «Ну иди, как хочешь». Приходит Шарапов в МУР и видит в траурной рамочке портрет своей любимой, которую убили те же бандиты. В данный момент, если бы они ему сейчас попались, он любым способом упрятал бы их за решетку, если бы не уничтожил, правда? Вот Жеглов мой находится все время в этой позиции, в которой Шарапов мог бы оказаться в конце картины. Я его нигде не оправдывал. Ольга Чайковская очень хорошо написала: «Я не понимаю, нравится он мне или не нравится». Кстати говоря, очень многим людям нравится, что Жеглов специально засунул кошелек в карман вора так ловко, потому что это явный вор. Возможно, Жеглов так бы не стал себя вести с человеком, в вине которого не уверен. Но в одном Жеглов, я думаю, ошибается: если он подозревает в ком-то преступника — все, для него перестает существовать в нем человек. И поэтому с единственно приличным человеком он ошибся, поэтому с ним так себя и ведет, понимаете? Вот в этом есть что-то...

КОРР. Вам интересно было работать над ролью Жеглова?

В. В. Братья Вайнеры писали этот характер немножечко с меня, с того образа, который создался в их воображении благодаря моим песням. Мне в картине было проще работать из-за этого.

КОРР. Каким образом к вам пришло желание стать актером?

В. В. У меня не было в семье ни актеров, ни режиссеров, никого из искусства. Просто мама моя с самых малых лет часто водила меня с собой в театр. Каждую субботу и воскресенье до 13—14 лет. Я думаю, что это осталось. Потом были конфликты между родственниками. Одни хотели, чтобы я стал простым советским инженером, я поступил в строительный институт на механический факультет, учился там. Но потом почувствовал, что совсем невмоготу. Однажды ночью залил чертеж, шестой раз переделанный, и сказал своему другу, что с завтрашнего дня больше в институт не хожу. То есть я формально ходил получать стипендию,

Анкета актера Высоцкого в Театре на Таганке.

Гастроли в Сибири.

(Архив Т. Орловской)